

А. А. ЗИМИН

**„Беседа валаамских чудотворцев“ как памятник позднего
нестяжательства**

„Беседа валаамских чудотворцев“ принадлежит к числу наиболее ярких памятников русской публицистики, своим острием направленных против стяжательной деятельности монашества.

Впервые „Беседа“ была издана О. Бодянским в 1859 году, правда, в дефектном виде (без начала, содержавшего указания на Сергия и Германа — валаамских чудотворцев).¹ На основании антистяжательского содержания памятника издатель приписал его перу Вассиана Патрикеева. Несмотря на то, что уже вскоре А. С. Павлов высказал сомнения в авторстве Патрикеева и отнес „Беседу“ ко второй половине XVI века, гипотеза Бодянского надолго утвердилась в литературе.

Новый этап в изучении „Беседы“ связан с ее публикацией в 1895 году по 13 спискам В. Г. Дружининым и М. А. Дьяконовым.² „Беседа“ на этот раз была издана с относящимися к ней дополнениями — „Иным сказанием“ и „Изветом“. Издатели решительно отвергли возможность того, что автором „Беседы“ был Вассиан Патрикеев, и предположительно датировали памятник временем после „1553—54 годов“.³ Уже в рецензии на издание X выпуска „Летописи занятий Археографической комиссии“, в котором была помещена „Беседа“, А. Е. Пресняков, возражая издателям этого памятника, в осторожной форме предложил считать „Беседу“ произведением конца XVI—начала XVII века, ибо „перед нами тот круг впечатлений и тревог, которыми были взволнованы русские люди при наступлении Смутного времени“. Не пытаясь решить вопроса окончательно, Пресняков заключил: „Во всяком случае вопрос о времени, когда возник этот памятник, представляется еще очень темным и далеким от окончательного решения“.⁴ И действительно, в дальнейшем исследователи неоднократно возвращались к решению вопроса о времени сложения „Беседы“. Однако весьма ценные соображения А. Е. Преснякова ими по существу игнорировались. И. А. Стратонов, например, полагал, что памятник возник в связи с секуляризационным движением начала XVI века и датировал его

¹ Рассуждение инок — князя Вассиана о неприличии монастырям владеть отчинами. Чтения ОИДР, 1859, кн. 3, отд. III, стр. I—VIII, 1—16.

² Беседа преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев. ЛЗАК, вып. X, СПб., 1895, отд. II (Далее — Беседа...), стр. I—XXIV, 1—32. Здесь же помещена обстоятельная историография вопроса.

³ Беседа..., стр. XIX.

⁴ А. Е. Пресняков. Рецензия на ЛЗАК, вып. 10. ЖМНПр., 1896, № 9, стр. 161—162.

1503—1510 годами (т. е. до присоединения Пскова, последнего из „уделов“, о необходимости присоединения которых писал автор „Извета“).¹

С. Л. Авалиани вернулся к точке зрения Бодянского. Усматривая в авторе „Беседы“ Вассиана Патрикеева, он датировал ее временем заключения этого князя-инока в темницу, т. е. 1531—1535 годами (до попытки секуляризации при Елене Глинской, о которых ничего не сообщает автор „Беседы“).²

Н. Петров рассматривал „Беседу“ как одну из подготовительных работ к Стоглаву,³ написанную около 1549—1550 годов. Он полагал, что за валаамскими чудотворцами скрываются два реальных лица: Адриан, игумен Андрусовской пустыни на Ладожском озере, и Геннадий Любимский, близкие к нестяжателям.⁴ А. С. Архангельский предположил, что первоначальный текст памятника представлял собой церковное поучение, своеобразное минейное чтение, появившееся в первой половине XVI века. Позднее на полях его противником вотчинного землевладения были сделаны полемические заметки (попавшие затем в текст) и добавлены „Извет“ и „Иное сказание“. Окончательную обработку „Беседы“ Архангельский относил ко времени до 1550—1551 годов, поскольку в ней упоминаются еще удельные князья, но нет сведений о реформах Ивана Грозного.⁵ Н. К. Гудзий в своей ранней работе отказался от попытки уточнить время написания „Беседы“.⁶

Обстоятельный критический разбор взглядов И. А. Стратонова, С. Л. Авалиани и Н. Петрова дал Г. П. Бельченко, который, однако, сам по вопросу о времени составления „Беседы“ вернулся к точке зрения В. Дружинина и М. Дьяконова.⁷ Особенно неудачной была попытка автора представить „Беседу“ соединением двух произведений: отрывка из поучения к инокам, откуда якобы взяты стр. 14—21 (по изданию Дружинина и Дьяконова) и некоторые другие места с поучением, обращенным к царям, публициста боярского направления.⁸ „Беседа валаамских чудотворцев“, несмотря на некоторую хаотичность изложения, представляет собой единое произведение, направленное против монастырского землевладения и участия иноков в политической жизни страны. Обе эти темы имеют двух адресатов: с одной стороны, царскую власть, с другой — монашествующую братию. Отсюда, естественно, обращение автора то к царям, то к монахам. Однако это отнюдь не дает права искусственно выделять отдельные куски „Беседы“ в два самостоятельных произведения. Никаких следов сшивки двух посланий, идейно-тематических или структурных противоречий между ними Бельченко не нашел.

¹ И. А. Стратонов. Заметки по истории земских соборов Московской Руси. Уч. зап. Казанск. унив., 1906, № 3, стр. 23 и сл.

² С. Л. Авалиани. „Беседа преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“ как исторический источник. Богословский вестник, 1909, № 3, стр. 380—381.

³ Н. Петров. „Беседа преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“. Филол. зап., 1905, вып. III—V, стр. 51—53.

⁴ Там же, стр. 31, 34.

⁵ А. С. Архангельский. Из лекций по истории русской литературы. Казань, 1913, стр. 282, 300 и сл. Взгляды Архангельского разделял В. Вальденберг (В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 301).

⁶ Н. К. Гудзий. К вопросу об авторе „Беседы преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“. Русск. филол. вестн., 1913, № 3, стр. 159.

⁷ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе и об авторе „Беседы преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“. Одесса, 1914.

⁸ Там же, стр. 20—27.

В дальнейшем в исторической и литературоведческой науках прочно утвердилось мнение о том, что „Беседа валаамских чудотворцев“ появилась в середине XVI века.¹ Его подкрепили новыми соображениями А. Д. Седельников² и И. И. Смирнов³ и без новой аргументации повторил И. У. Будовниц.⁴ И несмотря на все это, общепринятая в настоящее время датировка „Беседы“ нуждается в пересмотре.⁵ Памятник написан действительно после канонизационных соборов 1547—1549 годов, на которых признан „чудотворцем“ (святым) новгородский архиепископ Иоанн; в произведении имеется прямая ссылка на Иоанна как на „нового чудотворца“.⁶

Однако нет никаких оснований относить его появление к середине XVI века. Уже ряд исследователей обращали внимание на отсутствие в „Беседе“ каких-либо упоминаний о реформах Ивана Грозного, связанных с ее сюжетами (например Стоглав и др.). Это давало основание Петрову считать, что „Беседа“ возникла еще до Стоглава, а Седельникову — датировать ее временем до 1565 года (ввиду отсутствия даже намеков на опричнину). Но гораздо правдоподобнее полагать, что „Беседа“ возникла значительно позже реформ 50-х годов XVI века, упоминать о которых, следовательно, было уже нецелесообразно.

В. Г. Дружинин и М. А. Дьяконов относили „Беседу“ и „Иное сказание“ ко времени после 1553—1554 годов на том основании, что в первом памятнике имеется критическая мысль о „самовластии“ человека, которую они приписывали Феодосию Косому,⁷ а во втором произведении упоминается о „вселенском соборе“, на котором якобы присутствовал архиепископ Иоанн.⁸ В похвальном слове Иоанну говорится об обличении архиепископом на соборе „еретиков, хулящих неразделимаго в две постасе, а четверцу ищущих“.⁹ Это выступление Иоанна изда-

¹ См., например: Г. В. Плеханов. История русской общественной мысли т. 1. М., 1914, стр. 168.

² А. Д. Седельников. Две заметки по эпохе Ивана Грозного. Сб. статей к 40-летию ученой деят. акад. А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 167—173.

³ И. И. Смирнов. „Беседа валаамских чудотворцев“ и ее место в русской публицистике XVI века. Истор. зап., кн. 15, 1945, стр. 249.

⁴ И. У. Будовниц. Русская публицистика XVI века. М.—Л., 1947, стр. 246—247.

⁵ В настоящей работе специально не рассматривается вопрос о времени написания „Извета“ и „Иного сказания“, появившихся во всяком случае, не ранее основного текста „Беседы“. Решение этого вопроса является особой задачей, требующей пересмотра всех сохраняющихся рукописных текстов памятника.

⁶ „По благословению иже во святых отца нашего Иоанна, архиепископа великаго Новаграда, новаго чудотворца“ (Беседа... стр. 1). О „новых чудотворцах“, имея в виду святых, канонизированных в 1547—1549 годах, писал еще И. С. Пересветов. Выражение „новый чудотворец“ не значит, что „Беседа“ написана вскоре после соборов 40-х годов XVI века. Святые, канонизированные на этих соборах, назывались „новыми чудотворцами“ много лет спустя. См., например, святцы второй половины XVII века — ГИМ, Синод. № 529/901 (Горский и Невоструев. Описание рукописей синодальной библиотеки, отд. III, ч. II. М., 1917, стр. 418 и сл.), службу „новому чудотворцу“ Зосиме Соловецкому в сборнике 1604 г. (там же, стр. 239), подписи XVII века „книга новых чудотворцев службы“ (там же, стр. 239) и „книга новых чудотворцов службы“ (там же, стр. 223). В одной рукописи конца XVI века „новым чудотворцем“ назван даже Стефан Сурожский (ГИМ, Синод. № 322/569, л. 180).

⁷ „Мнози убо глаголют в мире, яко самовольна человека сотвори ест бог на сесь свет“ (Беседа... стр. 25).

⁸ „Иоанн архиепископ, слышав на вселенском соборе от преподобных сирцев извет“ (Беседа... стр. 31).

⁹ В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 268.

тели памятника также связывают с соборами 1553—1554 годов на еретиков Башкина, Косого и др.¹ Однако еретиков осуждали еще в конце XV века, когда мысль о самовласти души высказывал Федор Курицын. Связь же „Беседы“ с соборами 1553—1554 годов установить невозможно. Феодосий Косой не говорит о „самовласти“ человека, а выступает вообще против властей.

Автор „Беседы“ отвергает мысль о самовласти человека лишь фактом существования властей. Если бы он имел в виду суждения Косого, то он должен был бы отстаивать прежде всего тезис о том, что „подобает в христианстве властям быти“, против которого выступал Косой. Этого в „Беседе“ нет.

Выступление против „самовласти“ человека скорее всего следует отнести к началу XVII века. Именно тогда в ряде произведений проводилась мысль о том, что „бог сотворил человека самовластна“ (см., например, „Сказание о Петре Волосском“² и предисловие к Краткой космографии, известной по многочисленным спискам).

А. Д. Седельников датирует „Беседу“ „около (и именно после) середины XVI века“, прежде всего исходя из энергичного характера выступления против влияния монахов на царя.³ Выпад „Беседы“ против „певцов“ Седельников связывает с существованием певческой школы при дворе Ивана IV.⁴ Эти аргументы явно недостаточны: влияние монашества можно наблюдать не только в середине XVI века, но и позднее — в годы опричнины, во время правления царя Федора. То же можно сказать и о певческой школе, существовавшей как в середине XVI, так и в конце XVI—начале XVII века.

Общими соображениями об обострении борьбы за землю в середине XVI века руководствуется И. И. Смирнов, настаивающий на датировке „Беседы“ 50-ми годами XVI века.⁵ Однако вопрос о монастырском землевладении вставал остро и позднее; достаточно вспомнить, например, соборы 1580 и 1584 годов, запретившие монастырям приобретение новых земель.

Таким образом, аргументация в пользу середины XVI века как времени написания „Беседы валаамских чудотворцев“ явно недостаточна.

Анализ содержания памятника говорит о том, что „Беседа“ появилась не ранее конца XVI—начала XVII веков. В ней прежде всего вспоминается о власти „царских воевод“, а воеводское управление повсеместно было введено не ранее начала XVII века.⁶ К этому времени окрепла и приказная система,⁷ упоминающаяся в „Беседе“ как явление, уже прочно бытовавшее в Русском государстве.⁸ В „Беседе“ говорится, что „цареве в титулах пишуща самодержцы“,⁹ Однако термин „самодержец“ прочно вошел в титулатуру лишь к концу XVI— началу XVII века.

Термины „Извет“ и „Иное сказание“, которым озаглавлены два при-

¹ Беседа... , стр. XVIII.

² ГПБ, Солов. № 863, л. 87.

³ А. Д. Седельников, ук. соч., стр. 167.

⁴ Там же, стр. 171—173.

⁵ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 259.

⁶ „Где в мире будет власть иноческая, а не царских воевод, ту милости божия несть“ (Беседа... , стр. 23).

⁷ Временник ОИДР, 1849, кн. III, смесь, стр. 6.

⁸ Впервые „приказ“ как конкретное учреждение упоминается только в 1569 году. См.: А. А. Зимин. О сложении приказной системы на Руси. Докл. и сообщ. Инст. истории АН СССР, 1954, № 3, стр. 173.

⁹ „Не богоугодно... инокам из миру, аки царевем мирским приказным сбирати себе всякие царские доходы“ (Беседа... , стр. 13).

¹⁰ Беседа... , стр. 4.

бавления к „Беседе“, как заглавия литературных произведений встречаются лишь в начале XVII века (см. „Извест старца Варлаама“ и „Иное сказание“).¹

Одним из лейтмотивов „Беседы“ является упрек царей в „простоте“.² Само обращение к „царям“ говорит не только о том, что этот термин уже давно закрепился на Руси за главою самодержавной власти, но, возможно, и о том, что на престоле сменился уже не один царь. Во всяком случае в середине XVI века, т. е. непосредственно после коронации Ивана Грозного и принятия им титула „царь“, абстрактные рассуждения по адресу „прежних государей и христолюбивых царей“³ вообще вряд ли могли появиться, — ведь царь-то на Руси был еще один, и современники не знали, закрепится этот титул за его наследником или нет.⁴ Вряд ли мог относиться к Ивану IV упрек в „простоте“, он скорее соответствовал характеру царя Федора или Михаила Романова.

Уже А. Е. Пресняков отметил наличие в „Беседе“ отражения событий конца XVI—начала XVII веков в форме предсказаний и видений (характерных для публицистики начала XVII века):⁵ „Начнут быти глады и морове частые и многие всякие труссы, и потоппы и междуусобные брани и воины и всяко в мире начнут гинутьи грады и стеснятся и смятения будут во царствах велики и ужасты, и будут никим гоними волости и села, пустеют дома христианские, люди начнут всяко убывати и земля начнет пространнее быти, а людей будет менши, и тем достаным людем будет не пространной земли жити негде. Царие на своих степенех царских не возмогут держатися и почасту пременятся за свою царскую простоту и за иноческие грехи и за мирское невоздержание“.⁶

Возможно, перед нами недвусмысленный намек на разорения конца XVI—начала XVII века и частые перемены на царском престоле того времени. Можно усмотреть также прямые выступления против всевозможных тушинских перелетов, изменявших родине и призывавших себе на помощь войска иноземцев, в нижеследующих словах „Беседы“: „Горе роду христианскому, прельстившимся в неверных порты и шлыкы и имущим их на себе, держащим их неверных прелести и впускающе их в землю свою и ищущим от них помощи и хранящимся⁷ ими и их храбростию израильтеския грады и станы христианския. Таковии несть раби, но враги именуются; понеже оставя божию помощь и от неверных ищут помощи и надежи, и потом ими же обезчестени и изневолены будут и грады их ими обладани“.⁸

Об измене царю и „латинской“ прелести автор говорит и в другом месте: „Беда и скорбь и погибель роду христианскому, отставшим веры христианския и изменившим благоверному царю и государю своему и

¹ Термин „извест“ встречается и в „Ином сказании“ „Беседы валаамских чудотворцев“ (Беседа. . . , стр. 29).

² См. „за простоту прежних государей“ (Беседа. . . , стр. 8), „за свою царскую простоту“ (стр. 9); ср. стр. 10, 28 и др.

³ Беседа. . . , стр. 8.

⁴ Когда Ермолай-Еразм в середине XVI века обращался к „благохотящим“ царям, он имел в виду настоящее и будущее, в то время как автор „Беседы“ писал не только о настоящем, но и о прошлом.

⁵ См. „Беседа и видение преподобных отец наших игуменов Сергия и Германа“ (Беседа. . . , стр. 2).

⁶ Беседа. . . , стр. 9.

⁷ В других списках лучше: „хранящим“.

⁸ Беседа. . . , стр. 22—23.

возлюбив слабую и прелестную незаконную нам латынскую и многих вер веру“.¹

Таким образом, „Беседа валаамских чудотворцев“ была написана не ранее конца XVI—начала XVII века.

С другой стороны, „Беседа“ не могла появиться позднее 1611 года. Памятник сложился в среде валаамского монашества (его автор все время обращается к инокам Валаамского монастыря). Однако уже в 1611 году Валаамский монастырь был сожжен шведами. По миру 1617 года территория, на которой он находился, перешла к Швеции и была возвращена лишь в начале XVIII века.² В годы Ливонской войны и в конце XVI века Валаамский монастырь сильно пострадал от нападений шведов и эпидемий. Уже в феврале 1578 года он подвергся нападению шведов, в результате которого было убито 18 старцев и 16 послушников.³ В 1581 году умерло от мора 37 старцев и 47 послушников.⁴ После мира со Швецией в 1595 году монастырь постепенно восстанавливается.⁵ Когда именно, в конце XVI—начале XVII века в Валаамском монастыре была написана „Беседа“, сказать трудно.

По вопросу о классовой и политической направленности „Беседы“ также нет единого мнения у историков и литературоведов. Большинство из них полагают, что памятник отражает взгляды боярства.⁶ Г. В. Плеханов, например, прямо писал, что „автор «Беседы» обеими ногами стоит на боярской точке зрения“.⁷ Однако исследователи часто ставили в тупик несомненные черты идеологии сильной самодержавной власти, имеющиеся в „Беседе“.

В этом отношении показательна оценка „Беседы“, данная Вальденбергом. Этот исследователь полагал, что автора „Беседы“ „нельзя считать ни последовательным заводжцем, ни последовательным осифлянином“.⁸ По его мнению, основу политических взглядов автора „Беседы“ составляло осифлянское учение о покорности царю.⁹ Однако в „Беседе“ имеются черты явного нестяжательства.¹⁰ В конечном счете, по Вальденбергу, „вся Беседа написана исключительно с целью защиты интересов боярства“.¹¹ Н. К. Гудзий считал, что автор „Беседы“ разделял взгляды заводжцев, но „путался“ в идеологических вопросах, потому и допускал некоторые отступления в пользу осифлян.¹²

Оригинальную точку зрения высказал И. И. Смирнов, полагающий, что „Беседа“ представляет собой „памятник публицистики, вышедший из среды черного волостного населения русского Севера“.¹³ Разбирая

¹ Беседа . . . , стр. 14; ср. во введении „обличение на еретика и на неверных вся, победа и одоление на царевы враги“ (там же, стр. 1).

² Слово о Валаамском монастыре. Изд. III, СПб., 1888, стр. 11.

³ Остров Валаам и тамошний монастырь. СПб., 1852, стр. 29. В июне 1578 г. Иван IV освободил монастырскую варницу от платежа государственных налогов (там же).

⁴ Слово о Валаамском монастыре, стр. 10.

⁵ Еще в ноябре 1598 года валаамский игумен получил право временно пользоваться угодьями Антониева монастыря, пока его вотчина не будет вновь заселена крестьянами (Остров Валаам и тамошний монастырь, стр. 30).

⁶ Г. П. Бельченко, ук. соч., стр. 27. — А. Д. Седельников, ук. соч., стр. 172—173 и др.

⁷ Г. В. Плеханов, ук. соч., стр. 76.

⁸ В. Вальденберг, ук. соч., стр. 301.

⁹ Там же, стр. 302.

¹⁰ Там же, стр. 303.

¹¹ Там же, стр. 306.

¹² Н. К. Гудзий, ук. соч., стр. 159.

¹³ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 257.

текст этого произведения, И. И. Смирнов установил, что в нем 61 раз упомянуто слово „мир“ в разных значениях, в том числе в смысле „мира земного“, „общества“ вообще, а в 6 случаях — как „черная во-лость или коллектив жителей черной волости“. Основной вопрос, разбираемый в „Беседе“, по Смирнову, это „вопрос о том, как должен управляться мир“.¹ При этом „иноки являются главной и единственной враждебной силой, противостоящей миру“.² С другой стороны, „само-державная власть царя рассматривается как гарантия защиты интересов мира“.³

Итак, произведение посвящено судьбам чернососных волостей. Правда, И. И. Смирнов предпочитает употреблять более широкий термин „мир“, но это не меняет дела, ибо даже общество вообще „выступает в „Беседе“ как единый и целостный мир — мир «волостей с крестьянами». В нем нет никого, кроме крестьян — «мирян»“.⁴

Разбор текста „Беседы“ опровергает схему И. И. Смирнова. Действительно, как установили еще Дьяконов и Дружинин, „Беседа“ сложилась на русском севере, отсюда и широкое использование ее автором слова „мир“. Но этот термин в произведении не равнозначен волости или волостной организации крестьян.⁵ Само употребление слова „мир“ и „мир“ и „мирское“, действительно, характерно, но оно говорит о том, что автор „Беседы“ был монах из севернорусских земель, произво-ставлявший иноческую жизнь мирской.⁶ Не случайно героями произведе-ния им были выбраны основатели Валаамского монастыря — Сергей и Герман.

Неверно, что главной враждебной силой в „Беседе“ выступают иноки. Автор, наоборот, стремится отстоять чистоту монашеской жизни, критикуя только теневые стороны монашества.⁷ Само произведение адресовано монахам („иноком о бозе на большее спасение“).⁸

Наконец, уже И. У. Будовниц отметил, что если бы автором „Беседы“ был идеолог чернососного крестьянства, то было бы непонятным, почему он выступает сторонником боярского совета при царе и защитником воеводского управления.⁹ Впрочем, вывод самого И. У. Будовница о том, что в Беседе „поднимают свой голос низы русского монашества“,¹⁰ нельзя признать верным. В „Беседе“ нет противопоставления руководства монастырей рядовому монашеству: в стяжании обвиняются монахи вообще без подразделения на какие-либо группы. Подобные обвинения выдвигали и Вассиан Патрикеев и Максим Грек, которые, конечно, не были представителями рядового монашества.¹¹

¹ И. И. Смирнов, ук. соч., стр. 251.

² Там же, стр. 253.

³ Там же, стр. 252.

⁴ Там же, стр. 253.

⁵ Случай, отмеченные И. И. Смирновым, могут рассматриваться как указания на „мирское“ население в отличие от монашеского — и только.

⁶ См., например: „Мы, многогрешни и прегрешни иноцы возлюбил инокство, отеклися мира“ (Беседа... , стр. 15).

⁷ Он пишет, что иноков нельзя „не гневить и не осужати“, а „почитати их честно и милостыни им давати и обители им соружати“ (Беседа... , стр. 3).

⁸ Беседа... , стр. 2.

⁹ И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 250—251.

¹⁰ Там же, стр. 254.

¹¹ И. У. Будовниц, вслед за рядом исследователей, обвиняет автора „Беседы“ в „неучености“, якобы характерной для рядовой братии (И. У. Будовниц, ук. соч., стр. 254). Однако отсутствие ссылок на святоотеческую литературу не является показателем „неучености“ автора, а может и свидетельствовать о его желании пользоваться писаниями „святых отцев“.

„Беседа валаамских чудотворцев“ — памятник позднего нестяжательства, вышедший из среды севернорусского монашества. В духе Вассиана Патрикеева и Максима Грека ее автор рассматривает, как „погибель, что иноком волости владети и мир судити и от них по христианом приставом ездити и на поруки их давати и пьянству в иноках быти и мирскими слезами кормитися“.¹

Выступает автор „Беседы“ и против податных и иных привилегий монастырей, считая не „богоугодным“ делом, „что инокам из миру, аки царевым мирским приказным сбирати себе всякие царские доходы“.² Богатство монастырей держится на эксплуатации „мирян“ и „бельцев“, т. е. светских служебников, детенышей и крестьян, находящихся в тяжелом положении. Мы, пишет автор, „покоим себе пьянством и брашном от тружającychся нам и от мирян вся лучшая именуем брадкую пищу и питие себе, а не тружającymся на нас, ниже милующих и питающих нас. Зависти ради лишаем бельцов от брашна своего лучшаго; а по достоянию подобает пища и питие, лучшее все мирянном и тружającymся на нас, а не нам, иноком“.³ Все эти пороки монашеской жизни для автора — „новая ересь“.⁴ Филиппики автора „Беседы“ против „пьянственного жития“ монахов перекликаются с приговорами 1580—1584 годов, направленными против монастырского землевладения. В них подчеркивалось, что монастырские села „в пустош изнуряютца ради пьянственного и непотребного слабого жития многообразне“.⁵

Непримиримая вражда к стяжательству монахов сочетается у автора с протестом против участия монашества в политической жизни. В условиях конца XVI—начала XVII века это означало выступление против церковной иерархии, в которой важнейшие посты захватили политические противники нестяжателей — осифляне. В середине XVI века, когда у власти находился близкий к нестяжателям Сильвестр, когда вопрос о победе осифлян или нестяжателей был не вполне ясным, проповедь отхода от участия в политической борьбе не могла слететь с уст сторонника нестяжателей, предлагающего к тому же целый ряд преобразований в социально-политическом строе страны.

Автор „Беседы“ выступает с теорией богоутвержденности царской власти⁶ и с проповедью покорности царям.⁷ В соответствии с идеологией растущего самодержавия, он считает, что „достоит царю грозну быти“.⁸ Правда, „гроза“ царская должна быть смиренная.⁹ Самодержавие представляется автору в виде царской власти, сочетающейся

¹ Беседа... стр. 13.

² Там же.

³ Беседа... стр. 15—16. Ср. „на нас, иноков, по вся дни тружаются без выбору и нас, иноков, питают своими вольными и невольными трудами, во всем пред нами послушание творят. А мы, оказания, ... лишаем таковых богоизбранных брашна своего“ (там же, стр. 17—18).

⁴ „Новая ересь, что инокам волости со христианы владети и мир им судити и на поруки им давати и приставом по них инокам посылати и из миру всякие царские доходы, аки царем и прочим мирским властем, иноком собирати и мир слезити, и во обителих пьянству и сладости быти... и от бельцов собину себе лучшая пища и питие держати“ (Беседа... стр. 21).

⁵ См.: СГГД, 4. 1, № 200, ср. № 202.

⁶ „Богом бо вся свыше предана есть помазанику царю и великому богом избранному князю. Благоверным князем русским свыше дана есть богом царю власть надо всеми“ (Беседа... стр. 2—3).

⁷ „Покоряйтеся благоверным царем и великим князем... и во всем им прямите“ (Беседа... стр. 2).

⁸ Беседа... стр. 10.

⁹ Там же, стр. 24.

с властью бояр, князей и прочих мирян.¹ Царю следует „с советники совет совещевати о всяком деле“.² Причем монастырям жалуют свои вотчины только „малосмысленнии царю, Христу противници“.³

При оценке взглядов автора „Беседы“ на политическое устройство России надо иметь в виду, что мысль о том, кто должен управлять „миром“, излагается им не сама по себе, а лишь как обратная сторона основного для него тезиса о неучастии монахов в политической жизни страны. Поэтому нельзя искать какой-либо точности в перечислении автором тех чинов, какие должны осуществлять светскую власть. Им называются и царь, и князья, и бояре, и „прочие миряне“. Важно лишь одно: власть царя мыслится автором в сочетании с властью князей, бояр и других царских „приятелей“. Указание на участие в управлении „прочих мирян“ вполне соответствует „вселенскому совету“, т. е. земскому собору, из „Иного сказания“ „Беседы“. В целом же автор констатирует положение, сложившееся к концу XVI—начала XVII века, когда после смерти Ивана Грозного, сначала при царе Федоре, затем при Василии Шуйском и Михаиле Романове, усилилась роль боярской олигархии. Вместе с тем в этот период даже нестяжательские публицисты усвоили осифлянскую теорию о богоустановленности власти самодержца. В „Беседe“, следовательно, дана характеристика самодержавия, сосуществующего с боярской думой и боярской аристократией, т. е. строя, утвердившегося в России к XVII веку.

Не являясь непосредственно идеологом боярства, автор „Беседы“ в целом создал схему политического строя России, приемлемую для боярской аристократии конца XVI—начала XVII века.

Социальные реформы сводятся у автора к предложению царям собирать доходы „с пощадою“ и „милосердно, а не гневно, ни по наносу“ „всякие дела делати“.⁴ То же самое обращение адресовано и к „верным воинам“.⁵ Автор предлагает заменить землевладение монастырей ежегодной ругой (денежным жалованьем) и особыми „промышленными улусами“ (в условиях севера прежде всего соляными варницами), на которых бы монахи сами выполняли все работы.⁶

Все эти реформы должны, по мысли автора, улучшить положение Русского государства, облегчить тяжелую долю крестьян и укрепить авторитет монашества.

Таков был проект преобразований, вызванный к жизни хозяйственным разорением страны и обострением классовых противоречий конца XVI—начала XVII века. Возникнув в кругах севернорусского монашества, пытавшихся воскресить нестяжательские идеи, этот проект был далек от основных насущных задач социально-экономического и политического развития России. Основные причины тяжелого экономического

¹ „Царем и великим князем достоин. . . всякие дела делати милосердно с своими князи и с боялары и с прочими миряны“ (Беседа. . . , стр. 3; ср. стр. 5); цари „держат мир“ со своими „пособники“, т. е. „с своими приятели с князи и а боялары“ (там же, стр. 4); „подобает с миром во всем ведати царю самому со властями своими“ (там же, стр. 24).

² Беседа. . . , стр. 10; ср. также: „царем с боялары и с ближними приятели о всем советовати накрепко“ (там же, стр. 27).

³ Беседа. . . , стр. 10.

⁴ Беседа. . . , стр. 3; ср. стр. 21. Упомянув о „гневных“ делах, автор, возможно, имеет в виду опричные порядки.

⁵ „К своерным и в домех их быти кротко, щедро и милостиво, и их не бити, ниже мучити и грабленя не творити“ (Беседа. . . , стр. 22).

⁶ „Подобает иноком примати годовая урочная милостыня“ (Беседа. . . , стр. 3; ср. стр. 24, 26).

положения страны автор усматривал не в усилении эксплуатации крестьян и хозяйственном разорении, а в существовании монастырского землевладения. Ограничив в 1584 году дальнейший рост земельных богатств монастырей-вотчинников, русское правительство впоследствии основное свое внимание в социальных преобразованиях обратило на рабочие руки, столь необходимые широким кругам дворянства, и провело целый ряд мероприятий по закреплению крестьянства. В условиях существования множества запустошенных земель центральным вопросом социально-экономической действительности в России конца XVI—XVII века становится крестьянский вопрос.

Не представляла особенной актуальности и политическая сторона проектов автора „Беседы валаамских чудотворцев“: роковые последствия мнимого засилья монахов при царском дворе были явно преувеличены в политических целях публицистов нестяжательского толка.

Отражая некоторые стороны русской действительности конца XVI—начала XVII века, и разбирая причины хозяйственного разорения и политических неурядиц, автор „Беседы“ задумывался над теми проблемами, которые волновали современных ему публицистов (дьяк Тимофеев и др.). Однако основной целью произведений этого автора было стремление реформировать строй жизни русского монашества путем воскрешения нестяжательских идей. К положению Русского государства и трудящихся он обращает свое внимание лишь постольку, поскольку ему необходимо обосновать свои предложения о преобразовании монастырей и показать пагубные последствия монастырского землевладения и участия монахов в политической жизни страны. Этот крайне узкий аспект произведения показывал постепенную деградацию нестяжательской публицистики в конце XVI—начале XVII века.

* * *

Не многие из публицистов XVI—начала XVII века предлагали развернутые проекты преобразования социального и политического строя Русского государства. К их числу относятся как Иван Пересветов, так и автор „Беседы валаамских чудотворцев“.¹ Правда, они писали в разное время: если первый видел еще начало реформ Ивана Грозного и намечал в своих сочинениях пути их продолжения, то второй писал уже после завершения политических преобразований в тяжелой обстановке хозяйственного разорения, осложненной внешнеполитическими неудачами. Это наложило свой отпечаток на весь тон сочинений — оптимистические прогнозы Пересветова сменились мрачным сознанием тяжелого положения и поисками выхода из него.

И. С. Пересветов — идеолог передовой части растущего дворянства, захваченного реформационным движением. Автор „Беседы“ — представитель позднего нестяжательства из числа севернорусского монашества с идеологией, вполне приемлемой для боярской аристократии конца XVI—начала XVII века.

¹ В литературе делались попытки непосредственно связать „Беседу“ с сочинениями Пересветова. Так, П. Н. Милоков предполагал, что „Беседа“ была непосредственным откликом на пересветовские проекты, ибо в ней содержатся возражения против проповеди „самовластия души“, находящейся также в „Сказании о Петре Волосском“ (П. Н. Милоков. Очерки по истории русской культуры, т. III, вып. 1, СПб., 1903, стр. 61—62). Однако „Сказание о Петре Волосском“ не принадлежало Пересветову и явилось произведением 20-х—30-х годов XVII века. Вальденберг, напротив, рассматривал сочинение Пересветова как ответ на „Беседу“ (В. Вальденберг, ук. соч., стр. 331—332). Но публицист конца 40-х годов XVI века не мог отвечать на произведения конца XVI—начала XVII века.

Реформационное движение затронуло и автора „Беседы“, но иначе, чем Пересветова. Лозунг секуляризации земель дополнялся у автора слабым вниманием к авторитету святоотеческой литературы. На этом дело и кончалось. Публицист в целом находился на вполне ортодоксальной церковной позиции, чего нельзя сказать о Пересветове с его утверждением, что „бог любит правду больше, чем веру“. В сочинениях Пересветова не только нет ссылок на „святых отцев“, но и вообще о церкви как учреждении мы не найдем почти никаких упоминаний.

Значительно дальше шел Пересветов и в своих социальных взглядах. Если автор „Беседы“ предлагал лишь некоторое смягчение податного гнета, то Пересветов энергично выступал против кабального и полного холопства.

Разница отправных идеологических позиций определила разницу как в существе предлагавшихся обоими публицистами реформ, так и в форме, в которой они выражались. Оба публициста вкладывают свои думы и чаяния в уста исторических персонажей — в этом они сходятся. Но у Пересветова главные герои — крупные государственные деятели: Петр воевода волоцкий и Магмет-салтан. Автор „Беседы“ делает героями монахов, основателей Валаамского монастыря — Сергия и Германа.

Если Пересветов предпочитает жанр светской исторической повести и челобитной, прямо адресованной Ивану Грозному, то автор „Беседы“ избирает жанр, близкий к видению, т. е. из церковной литературы, и адресует свое сочинение монашествующей братии и лишь косвенно „царям“ вообще. Пересветов, отражая интересы передовой части господствующего класса, прежде всего задумывается о судьбах государства, изыскивая пути и средства для его укрепления. Для автора „Беседы“ главное — переустройство монашеской жизни, а изменения в политическом строе следует провести лишь исходя из этих преобразований и в связи с ними.

Пересветов — убежденный сторонник самодержавия и „царской грозы“. Сторонником самодержавной власти был и автор „Беседы“. Однако формы осуществления на практике самодержавия не очень волнуют этого публициста, выступающего против участия в политической жизни страны монашества, т. е. тех кругов, к которым он сам принадлежал. Если Пересветов предлагает решительно перестроить центральный аппарат, то автор „Беседы“ оставляет все по-старому, указывая только на вред, проистекающий от участия монашества в управлении страной. Поэтому у автора „Беседы“ самодержец на деле оказывается ограниченным Боярской думой и „прочими княжатами“ (возможно, также и земским собором). Этот публицист, как и Пересветов, выступал сторонником царской „грозы“, но лишь с тем условием, что „гроза“ должна быть милостивой.

Сравнение сочинений Пересветова с „Беседой валаамских чудотворцев“ показывает, что дворянский публицист середины XVI века отличался несравненно большей дальнозоркостью, чем представитель позднего нестяжательства, писавший после него не менее чем через пятьдесят лет.